

Россия до трусов и в положении

“Бродвей. Черное море” Виталия Манского

Документальный фильм о курортном времяпрепровождении предполагает большое количество сцен “в купальных костюмах”. “Бродвей. Черное море” — это энциклопедия отечественной анатомии. Поскольку дело происходит в палаточном городке на берегу Черного моря, носящем гордое имя Бродвей, зритель может убедиться, как разнообразны наши российские тела, как мужские, так и женские, как детские, так и не очень юные. Что общего? Это — тела российского “нижнего слоя среднего класса”. Однако если этот фильм без всякой подводки показать зарубежному зрителю, то он, зритель-иностранец, наверняка решит, что на Бродвее собрались едва ли не беженцы-лишенцы. Таков, увы, уровень российского “дикого” курортного сервиса и досуга. Боюсь, что именно как “чернуху”, обличение нравов восприняли картину на многочисленных иностранных фестивалях, по коим гордо шествует “Бродвей...”. Смущает, правда, то обстоятельство, что в производстве картины приняли участие не только телеканал РТР, отечественная студия “Вертов и К^О”, но студии Германии, Чехии и Финляндии. Извините, но “чернуха” эта аран-

жирована на манер “заказухи”: отдельное явление претендует на образ всей страны, где люди живут по большей части бедно. Но зачастую — опрятно. Если повезет, то и комфортно. И не надо думать, что ситуация в стране целиком и полностью “спишет” общий санитарный уровень отдельных домов и городов. Не хотите так жить — и не надо, во всяком случае, на якобы курорте. Но “картинка” впечатляет. Фильм был показан на фестивале “TUR-2002” в Карловых Варах и получил Гран-при. Во Флоренции на МКФ “Festival degli popoli” — специальный приз жюри! Плюс участие в конкурсных программах фестивалей в Мюнхене, Шеффилде, Дублине, Эдинбурге... Успех несомненный, другое дело, что нелегко разобораться, даже предположить, понимают ли иностранцы, насколько привычна для нас подобная “пляжная” картинка.

Между тем режиссер Виталий Манский, если не крупнейший, то известнейший отечественный документалист, мастер-промоутер как своего лично, так и всего отечественного документального кино, совершенно очевидно, снимает фильм не столько о людях, судьбах, биографиях, не столько о со-

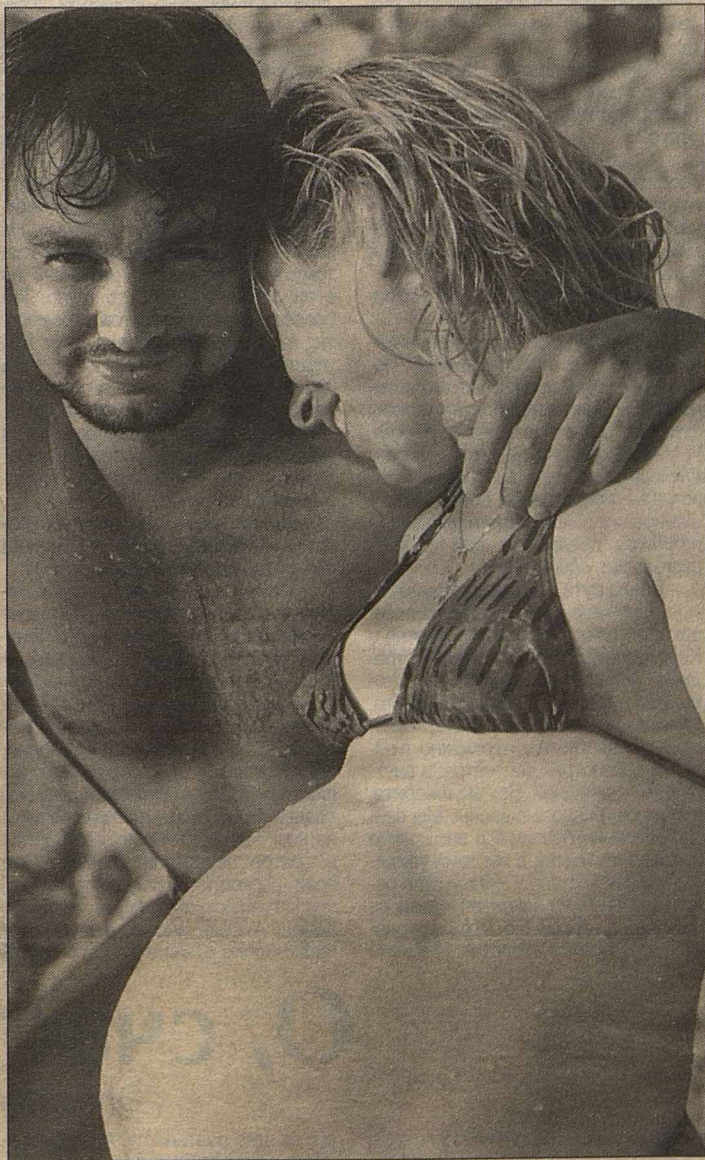
циальных ритуалах России, сколько изобретательно подсматривает за сугубо физиологическим аспектом российской жизни. Какие у нас красивые женщины и какие не красивые... Какие у нас бывают толстые дядьки и какие волосатые... Как мы бедно и неуклюже оформляем свой досуг, свои застолья и “моцион”. Какая у нас в общественных местах, извините за прямоту, грязь. И опять-таки, извините за прямоту, не только в смысле мусора на улицах, но и мусора в головах. Знаменитая фраза про сортиры, суперцитата из “Собачьего сердца”, вспомнится по ходу просмотра не раз, но расшифровывать не будем — в отличие от российской действительности “великий и могучий” слишком целомудрен, но даже эфемеризмы... как-то полахивают. Причем автор фильма, вернее режиссер Манский при помощи оператора Павла Костомарова, стремится к эффекту исчезновения, стирания авторской инстанции, фигуры рассказчика. Напомним, что Виталий Манский является создателем киноконцепции “Вертов и К^О”, причем не раз и не два подвергался критике за “приватизацию” наследия культового, выдающегося советского документалиста Дзиги Вертова. Однако, всматриваясь в его “Бродвей...”, нельзя не вспомнить вертовское “жизнь врасплох”. Разумеется, речь идет не о насаждении метода мастера, не о том смысле, что обретает это простое словосочетание в поэтике фильмов Вертова, а именно о бытовом эффекте подглядывания, подсматривания за избранными объектами. Режиссер никак не пытается срежиссировать свое авторское появление в кадре, не вкладывает в фильм некую позицию (например, с помощью наложения дикторского текста, как это наиболее явно, “в лоб” делают в документалистике), даже не обозначает себя в пространстве картины как наблюдателя. Наоборот, он стилизует эффект подглядывания, даже соглядатайства: не раз и не два его герои в буквальном смысле застигнуты врасплох, камера медленно движется по Бродвею и зачастую имеют место быть такие сцены... То есть, конечно, ничего криминального не происходит, однако вид иных граждан отдыхающих насколько монструозен, что поневоле предполагаешь нечто “грязенькое”. Например, на пресс-просмотре картины, где собрались довольно насмотренные зрители, да и вообще люди приличные, в одном месте раздалось неловкое, но такое очевидно возбужденное хихиканье: показали девочку-подростка, старательно отмывающую в ведре коленочки, а над девочкой нависал жуткого вида дяденька-пузан... Между тем именно участники данного пресс-просмотра и являются первыми, даже единственными на данный момент зрителями “громкого”, фестивально успешного фильма. Россия как она есть? Да, наверное. Во всяком случае, Россия в минимуме одежды. Весьма поучительное зрелище.

Однако после просмотра фильма совершенно неясно, как, собственно, герои “дошли до жизни такой”. Почему у них нет денег на ци-

вильзованные формы досуга? Почему они экономят на самом необходимом, например, не могут приобрести одноразовую посуду и даже на отдыхе живут в условиях, приближенных к существованию беженцев из горячих точек? Почему, наконец, многие из этих людей распускаются в чисто физическом смысле слова, за весом своим не следят? А там есть случаи очень опасного превышения физиологических норм. Нет в фильме о том разговора, есть лишь разглядывание, рассматривание голых и полуголых людей. На пляже, как известно, да в бане — все равны. Раньше не бывает. Хотя опять-таки нельзя не заметить, что у многих женщин маникюр, педикюр, все специфические косметические манипуляции с собственным телом выполняются. Что многие люди приехали в окрестности города Туапсе, где и находится этот самый Бродвей, на собственных машинах. Не бедные люди, не бомжи. А почему-то пользуются чудовищным общественным туалетом... Но это мы, соотечественники, можем как-то идентифицировать социальный статус героев. А что иностранцы подумают, увидев толпу россиян, раздетых, что называется, “до трусов”, сказать трудно. Видимо, будут фиксироваться на том, по какому типу чаще всего у русских протекает болезнь ожирения, как у наших женщин обстоят дела с венами (плохо, между прочим), что с целлюлитом (не так страшно, как можно судить, начитавшись всяческих журналов про красоту и здоровье).

Один из ударных эпизодов картины — рождение ребенка в воде Черного моря. Уж каких только мужчин и женщин тут не показывали, но вот в положении — это сильно. Зачем рожать детей в воде? Кажется, иностранцы подумают о том, что у нас “так принято”. А на самом деле роды в воде — свободный акт волеизъявления рожавшей женщины, разные есть в мире “энтузиастки” и “энтузиасты” (по непроверенным данным, доктор Чарковский, пропагандист подобных родов в “море”, в Америке чуть срок не получил за некорректное обращение с пациенткой). Хочет рожать так — рожает так. А медицинское обслуживание у нас в России все же имеется.

Впрочем, раздев соотечественника до трусов и запечатлев все виды наготы вплоть до новорожденной, авторы фильма подглядели немало. Великолепный материал для дантистов, мануальных терапевтов, ортопедов, косметологов, диетологов и прочих. Не говоря уже о людях из санитарно-гигиенических станций Туапсе, Новороссийска и других приморских городов, где есть такие “Бродвеи”. Только вот с загадочной русской душой вышла промашка. Да, сплошные загадки. Только психотерапевт из этого суперпремированного — по меркам нынешнего кинопроцесса — фильма не наблюдает ровным счетом ничего. Кроме того, что люди, предпочитающие отдыхать одним и тем же способом, физиологически очень похожи друг на друга.

Кадр из фильма. Пляжная жизнь плода